

**ПРОБЛЕМА
РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА
В РАБОТАХ А.В. БРУШЛИНСКОГО**

Н. Е. Харламенкова

Обращение к А.В. Брушлинскому — это, прежде всего, обращение к тем идеям, которые были высказаны им в ряде работ, посвященных мышлению как процессу и проблеме субъекта: «Мышление и прогнозирование» (1979), «О формировании психического» (в кн. «Психология формирования и развития личности», 1981), «Проблема субъекта в психологической науке» («Психологический журнал», 1991, № 6), «Психология субъекта» (2003).

Метаморфозы и изменения, которые происходят с психической реальностью в течение какого-то — значительного или не столь значительного — периода времени требуют специального анализа и обсуждения. Остановимся на трех, с моей точки зрения, наиболее важных вопросах, возникающих в связи с проблемой развития. Это: 1) истоки формирования и развития субъекта, 2) процесс развития и его детерминация, 3) преемственность и непрерывность развития.

Истоки формирования и развития субъекта

Известно, что термины «формирование» и «развитие» нередко используются как синонимы, но на самом деле таковыми не являются, так как обозначают разные процессы. На это указывали очень многие специалисты, подчеркивая адекватность применения одного и отказ от другого при описании динамики психической жизни.

Так, известный отечественный психолог В.В. Давыдов в статье «Соотношение понятий "формирование" и "развитие" психики» писал: «Применение термина "психическое развитие" к отдельному человеку *неправомерно*, если отдавать себе отчет в значении этого термина и не стоять на позициях натуралистических теорий человека. Если этому термину все же придать смысл и оперировать понятием "психическое развитие *individua*", то подобно Ж. Пиаже,

необходимо признавать *автономность* человека и *самововлеющую значимость отдельного* человека, необходимо видеть в нем целостную систему, что в конечном счете равно *отрицанию* его общесоциальной природы» (цит. по: Брушлинский, 2003а, с. 163–164). В связи с этим он подчеркивает, что вернее использовать термин «формирование психики», который означает «овладение, приобретение природы, присвоение вне его лежащей "общественной" природы, определенной в материальной и духовной культуре, т.е. в особых продуктах *предметной деятельности* предшествующих поколений людей» (там же, с. 164). Таким образом, по мнению В.В. Давыдова, социальная природа человека определяет особый характер его становления, осуществляемого через процессы воздействия и присвоения. Откликаясь на суждения критиков о том, что «формирование означает *пассивного* индивида, а развитие, напротив, требует большой активности» (А.В. Брушлинский), В.В. Давыдов подчеркивает, что формирование не исключает собственной активности субъекта, но полагает, что она не является *сугубо собственной*, поскольку формируется взрослым. «"Собственное" не исходно, а производно, хотя, став таковым, оно приобретает важнейшую функцию внутри дальнейшего процесса формирования деятельности индивида» (там же, с. 165).

В этом положении, как считает А.В. Брушлинский, скрыто основное противоречие психического развития человека, которое приводит к принципиальным разногласиям между научными школами. Для теории интериоризации (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, позднее В.В. Давыдов) верно положение о производности собственного, тогда как для субъектно-деятельностной концепции С.А. Рубинштейна и его школы «собственная активность (обучаемость, вообще внутренние условия) даже младенца, а тем более ребенка является не производной, а именно *исходной*» (Брушлинский, 2003а, с. 166). Однако «исходными остаются и эти внешние влияния, причины, нормативные общественные образцы и т.д., но они не прямо и не непосредственно детерминируют всю жизнь людей, а только опосредствуясь целостной системой внутренних условий, всей личностью (наследственными задатками, собственным жизненным опытом и т.п.)» (там же, с. 166).

Итак, в психологии термины «формирование» и «развитие» закреплены за вполне определенными процессами: первый ассоциируется с усвоением и присвоением общественного опыта, с обучением в широком смысле этого слова, а второй — с активной, творческой, своеобразной деятельностью ребенка, взрослого, со «своим», «собственным», «спонтанным порядком» присвоения. С точки зре-

ния многих исследователей истоки формирования психического находятся в деятельности, однако по мнению одних это деятельность обучающегося (С.А. Рубинштейн), а по мнению других — деятельность обучающего (А.Н. Леонтьев).

Оказалось, что неоднозначность толкования понятия «формирование психики» привело к разным трактовкам «психического развития». «Последнее в строгом смысле слова существует лишь для теории психического как процесса, поскольку она понимает развитие безотносительно к любым заранее заданным или данным эталонам, образцам, критериям и т.д.» (Брушлинский, 1981, с. 125).

Процесс развития и его детерминация

Развитие, также как и формирование, понимается в психологии неоднозначно. А.В. Брушлинский показал, что эти различия обусловлены многими факторами, одним из которых является принцип детерминизма. Рассматривая варианты этого принципа, он выделяет *вероятностный*, или *стохастический детерминизм*, который состоит в выборе из ряда равновероятных альтернатив, и *линейный (лапласовский) детерминизм* как постепенную актуализацию явлений и форм психической реальности, уже существующих в зачатке, которые под влиянием ряда условий становятся реально функционирующими; в последнем случае развитие осуществляется по определенному, заранее известному эталону, соответствующему той или иной стадии, и на каждом этапе психические свойства приобретают законченный, завершенный в своем формировании вид. По сути, его тоже можно считать вероятностным детерминизмом (только вероятность равна единице).

Оба эти подхода обоснованно и критически оцениваются, что позволяет сделать следующую важный вывод: понятие развития в психологии имеет свои особенности, его понимание базируется на двух важных посылах: 1) основным (но не единственным) способом существования психического является процесс, 2) адекватной формой детерминации психического как процесса выступает не вероятностный и не лапласовский детерминизм, а такой, который предполагает, что *внешние причины действуют через внутренние условия*.

Другими словами, поскольку психическое само по себе имеет процессуальную природу, то развитие является естественной формой его существования, но только не в варианте линейного преформизма.

Исследовать психическое как процесс можно с разных точек зрения, но одной из безусловно необходимых является позиция, позволяющая применять принцип развития, под которым понимается: 1) безотносительность к любому заранее установленному масштабу, критерию, образцу, эталону (показывая это на примере мышления, А.В. Брушлинский утверждает, что человеку, решающему задачу, результаты заранее не известны; размышляя, он выходит за пределы всех прежних, заранее установленных критериев, норм и проч.; такие критерии формируются вместе с возникновением и развитием существовавшего нового); 2) преемственность, обусловленность предшествующими стадиями развития, т.е. искание и открытие *существенно нового (нового для себя)* по отношению к начальным стадиям психического процесса.

Эти две особенности развития в психологии — преемственность и одновременно безотносительность к заранее установленному критерию — составляют *главное противоречие всякого развития*: поскольку развитие осуществляется только на основе преемственности, оно детерминируется прошлым, но при этом оно выходит за пределы своего прошлого, так как каждая следующая стадия качественно отличается от предыдущей. Процесс есть та конкретная, единственно возможная форма развития, в которой данное противоречие реально разрешается.

Каждое из выдвинутых положений конкретизируется. Конкретизация положения *об отсутствии эталонов, образцов, альтернатив решения* находит свое воплощение в феномене *мысленного прогнозирования*. А.В. Брушлинский противопоставляет его традиционной точке зрения, согласно которой мышление трактуется как выбор из ряда альтернатив либо как предвосхищение результата, осуществляемого по плану. Он говорит о том, что в этом случае основной акцент делается на формировании не новых операций и действий, а их последовательности, порядке их актуализации как готовых образцов поведения. Мысленное прогнозирование основано на том, что результаты не известны человеку заранее, решение может быть найдено только в ходе мыслительного процесса, вследствие включения проблемы в новые связи и отношения. Изначально оно выступает в качестве желаемого, прогнозируемого искомого. Это — конкретизация первой особенности развития.

Конкретизация положения *о преемственности стадий* в развитии психического нашла отражение в том, что новая мысль или намек на нее никогда не возникают на пустом месте, до того, как формируются соответствующие внутренние условия. Всегда неизбежна и существенна непрерывная взаимосвязь между новыми и «стары-

ми» мыслями, между предыдущими и последующими стадиями психического процесса. «Непрерывность и преемственность психического означают, прежде всего, что любая его последующая стадия может сформироваться лишь в том случае, если ей предшествует в качестве ее внутреннего условия Аругое, путь менее сложное, но обязательно тоже психическое явление. Так в психологии конкретизируется всеобщий принцип детерминизма, согласно которому внешние причины всегда действуют только через внутренние условия» (Брушлинский, 1981, с. 120 — 121).

Преемственность и непрерывность развития

Многие положения, сформулированные А.В. Брушлинским в связи с феноменом «развития психического», можно отнести к понятию *эпигенеза*.

Эпигенез, наряду с преформизмом, рассматривают как одну из парадигм развития. *Эпигенезом* называют учение о зародышевом развитии организмов как процессе, осуществляемом путем последовательных новообразований. Он понимается как *интенсивное* развитие организмов, предполагающее возникновение качественно новых форм жизни (тогда как *экстенсивное* развитие — преформизм — представляет собой проявление и увеличение уже имеющегося).

По существу, сам термин означает, что (1) развитие не есть простое раззверствование того, что уже зародилось: возникают новые качества, формы, которые не были изначально предопределены; (2) кроме «начал», материи, генов и других преддетерминированных химических и биологических структур (ДНК) важная роль отводится неким «запускающим» процессам, механизмам субъективного или объективного (условия, обстоятельство, деятельность) порядка. Иными словами, обосновывается необходимость *каузального объяснения* процессов развития.

Последнее положение, сформулированное в рамках эпигенеза, является наиболее уязвимым, в истории науки (биологии, эмбриологии, психологии) оно объясняется либо метафорически, либо метафизически. Подразумевается, что есть некие силы («энтелехия», «всеобщий дух», «растительная сила», «образовательное стремление» и проч.), которые обеспечивают качественный рост организма. Это, действительно, очень слабое, проблемное место в теории эпигенеза, которое, как мне представляется, удаётся преодолеть благодаря работам Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинского, а также ряда других авторов.

проблемы все время передвигается. Но каково же содержание всего процесса решения, чем детерминирована последовательность фаз, каково содержание каждой фазы — на эти вопросы Секей отвечает не может» (Анциферова, 1960, с. 113), он лишь указывает на то, что латентное свойство становится явным в силу действия механизмов бессознательного и предсознательного.

Л.И. Анциферова, критически относясь к идее о действии бессознательных мыслительных механизмов, утверждает, что решение задачи — это сознательный акт, содержанием которого является «постепенный анализ предметного содержания следствия и анализ свойств различных "орудий", средств воздействия как предполагаемых причин конкретизирующегося следствия» (там же, с. 105). Выявление маскируемых свойств осуществляется через соотнесение вычленимых свойств предметов с требованием задачи, которое также постоянно анализируется и конкретизируется. «Траекторию движения мышления составляют последовательно появляющиеся в "фокусе внимания" все новые и новые свойства и отношения предметов, которые выступают благодаря включению предметов в новые причинно-следственные связи» (там же, с. 121).

На явление латентности в экспериментах на мышление указывает и А.В. Брушлинский (1966, с. 227). Он специально подчеркивает, что в процессе мышления происходит ментальное «поворачивание» одного и того же объекта разными сторонами с целью выявления основного отношения задачи, которое является существенным условием ее решения. При этом главные переменные этого отношения могут поначалу выступать в частной форме и даже иметь скрытый, замаскированный характер. Однако в последствии, на основе мыслительного механизма «анализ через синтез» происходит включение объекта в новые отношения, *переход* от одной системы связей познаваемого объекта к другой, новой системе связей, «выявление на этой основе его новых, ранее не учитываемых, как бы скрытых (латентных) свойств» (Брушлинский, 1966, с. 240). Подобный переход нередко выглядит как озарение, внезапно возникшее решение. Однако это не совсем так. Возникновение так называемого немгновенного инсайта обусловлено предварительной работой механизма обобщения анализируемых явлений и принципов, и решением испытываемого о «наибольшей вероятности» выдвигаемой им версии. Таким образом, вначале субъект включает объект в новую систему отношений, затем, благодаря этому включению, осуществляется поиск и открытие до сих пор неизвестных, но существенных свойств объекта, которые, в свою очередь, обуславливают решение задачи. «Именно эта новая система связей

Поиск принципа связи, преемственности между стадиями накопец-то получил свое завершение в положении, согласно которому решение того или иного вопроса формируется уже на предыдущей стадии и представлено в виде так называемых *латентных свойств*.

В психологии понятие латентный (от лат. *latents*, род. падеж *latentis* — скрытый) применяется для описания ряда очень схожих между собой явлений. Так, привычным стал термин *латентное научение* (см. эксперименты Блэджетта, Толмена и Хонзика) (Хекхаузен, 2003, с. 253), которым обозначают случаи достижения определенных результатов без осуществления животным целенаправленного поиска. Латентным было названо такое научение, которое не проявлялось в поведении.

Современные исследования в области научения, посвященные изучению формирования нового компонента структуры индивидуального знания — СИЗ (И.О. Александров, Н.Е. Максимова), убедительно показывают, что он начинает актуализироваться за несколько актов до реализации в поведении (например, в игре). Латентный период характеризуется особой динамикой времени (в данном исследовании — времени выбора хода в процессе игры) и динамикой факторных оценок множества дескрипторов структуры индивидуального знания, а также разнообразием актуализированных компонентов СИЗ и стратегий. Авторы считают, что «моменты порождения нового характеризуются состоянием неравновесности, неустойчивости» (Александров, Максимова, 2003, с. 72), вызванным актуализацией большого количества компонентов структуры индивидуального знания как эквивалентных альтернатив.

В психологии мышления проблема латентности была поставлена в контексте решения задач. Оказалось, что для решения задачи необходимо как знание, так и умение использовать его продуктивно. Сложность нахождения решения обусловлена тем, что свойство предмета, которое необходимо учитывать при проведении мыслительного поиска, не принимается во внимание. Л. Секей утверждает, что это — так называемое «*скрытое (латентное) свойство предмета*», обнаружение которого в ходе эксперимента и превращение в ведущее путем переструктурирования ситуации, по сути, и означает решение задачи (Секей, 1965).

В аналогичном исследовании, проведенном Л.И. Анциферовой, особое внимание уделяется тому, как именно в ходе решения мыслительной задачи возникает «вычленение нужного свойства». Она пишет: «Анализируя протоколы, Секей совершенно правильно отметил, что процесс решения проходит несколько фаз, что каждую новую фазу характеризует новый вопрос, что центр тяжести

и обеспечивает существование новое направление всей мысли индивида» (там же, с. 241).

Таким образом, в процессе мышления латентные свойства возникают в виде потенциально правильного решения, которое формируется пока еще в ином, нежели условия задачи, контексте (иных отношениях), либо недостаточно аргументировано для того, чтобы стать более правдоподобным и позволить субъекту быть уверенным в нем.

Рассматривая феномен латентности в условиях решения задачи можно было бы подумать, что обсуждаемое явление имеет сугубо локальный характер и сопоставимо исключительно с процессами мышления и научения. Однако обобщение литературных данных за последние несколько десятилетий, обращение не только к психологии мышления, но и к психологии личности показало, что латентные свойства универсальны.

Уже в 30-х годах XX века Г. Меррей, конструируя Тематический Апперцептивный Тест (Меррей, 2000; Klorfer, 1976; Keiser, Prather, 1990), основывался на базовой идее глубинной психологии, о том, что причины поведения индивида могут быть скрыты от сознания, т.е. также *латентны*. Обычно таковыми являются потребности в нанесении ущерба (в агрессии) и сексуальные желания. Последние могут быть скрыты не только в силу их несоответствия установкам сознания, но и по ряду закономерных причин, вызванных особенностями взросления ребенка на той или иной стадии развития. З. Фрейд утверждал, что таким периодом является возраст от начала упадка детской сексуальности (на пятом или шестом году жизни) до наступления половой зрелости. Он считается временем «остановки эволюции сексуальности» и называется *латентным периодом*. «Эта стадия отличается от всех предыдущих, поскольку в ней нет нового источника внутреннего разлада» (Адамс, 2002, с. 192). Раскрывая это положение, следует упомянуть монографию Ж. Бержера (2001), в которой отмечается, что этот период называется латентным не потому, «что в нем не наблюдается сексуальных проявлений», а в связи с тем, «что в этот период невозможно описать новую "организацию" сексуальности» (Бержер, 2001, с. 58): энергия Эроса сублимируется, происходит перераспределение силы влечения, которая не снижается, а трансформируется. По-видимому, именно в способности замещать сексуальные желания сублимированным выражением привязанности и проявляется латентность энергии либидо.

Еще один аспект латентности раскрывается через понятие *латентной структуры*. Она представляет собой особую констелля-

цию признаков, организующихся по своим внутренним законам и выявляемых не прямо, а косвенно (например, при применении кластерного и факторного анализа). Такая структура была эксплицирована в исследовании, посвященном симптоматическому состоянию, которое возникает после потери сознания (Axelrod и др., 1996). Была выявлена 5-факторная латентная структура, в которую вошли психологический (psychological) (например, страх, депрессия и проч.), когнитивный (cognitive) (проблемы запоминания, речи, мышления и проч.), соматический (somatic) (тошнота, диарея, звон в ушах и проч.), ортопедический (orthopedic) (боли в спине, ногах, оцепенение и проч.) факторы и фактор редких признаков (infrequency) (импотенция, припадки и проч.). Выявление не отдельных специфических симптомов, а кластеров признаков может быть оптимальным предиктором заболевания, развившегося вследствие потери сознания.

Итак, в психологии личности латентными считаются такие свойства, которые не осознаются человеком, оставаясь скрытыми от сознания до тех пор, пока, как говорил Э. Эриксон, человек не будет психологически готов к принятию новых социальных ориентиров. Скрытые, латентные свойства личности могут быть источником как нереализованных потенциалов развития, так и внутриличностных конфликтов. Последний вариант наиболее правдоподобен при отсутствии оптимальных условий, необходимых для актуализации латентных свойств, либо при их наличии, но невозможности актуализации (например, вследствие вытеснения).

Во-первых, было показано, что латентные свойства отличаются от свойств других типов тем, что они неосознаваемы, составляют часть опыта индивида, проявляются вне адекватного для их осознания контекста и оппонентны осознаваемым свойствам. Сособами их обнаружения могут служить такие косвенные показатели, как динамика времени реакции, появление равновероятных альтернатив (стратегий, моделей), неопределенность, неоднозначность интерпретации ситуации. Заметим, что равновероятность альтернатив является признаком их формирования, тогда как переход от альтернативности к предпочтительности выбора — знаком их осознания, а значит, перевода в другое, нелатентное состояние.

Во-вторых, были сделаны серьезные шаги в направлении поиска детерминант и механизмов мыслительного процесса, в ходе которого происходит «вычленение нужного свойства». Как было показано выше, такими детерминантами являются прогнозирование искомого, активное взаимодействие субъекта с объектом, которое

обнаруживается во включении последнего во все новые связи и отношения, а также уверенность человека в правильности решения. Механизмами демаскировки латентных свойств выступают обобщенные анализируемые характеристик и обстоятельство, перенос принципа решения на другой материал, в иной контекст, изменение ракурса рассмотрения объекта (Л.И. Анциферова, А.В. Брушлинский).

В-третьих, была сформулирована задача, состоящая в том, чтобы определить фазность, последовательность процесса решения, имеющего, кроме всего прочего, отношение и к динамике маскируемых свойств. Иными словами, в процессе демаскировки латентных свойств, согласно Брушлинскому, существенная роль принадлежит активному субъекту, который, во-первых, переходит к новому контексту (отношениям), а во-вторых, осуществляет интеграцию скрытых свойств в новую систему связей, тем самым, эксплицируя их.

Результаты, описанные выше, получены в экспериментальной психологии мышления, и имеют прямое отношение именно к этой области знания. Тем не менее, нельзя не учитывать важности следящих выводов и для других областей психологии, в которых проблема латентности может быть использована для объяснения развития, осуществляемого по эпигенетическому принципу. Мы имеем в виду, прежде всего, психологию личности, в которой развитие, понимаемое как постепенное обретение субъектом новообразований, в зачаточном виде формирующихся на предыдущих стадиях, имеет практически аксиоматический смысл.

В латентных свойствах представлено и прошлое, и будущее, они осуществляют преемственность развития. Являясь предшествующими будущим достижениям (успехов и неудач), они одновременно фиксируют историю своего происхождения, их характеристики сопоставимы с некоторыми свойствами "побочных продуктов" взаимодействия индивида с миром» (Александров, Максимова, 2003, с. 73), и именно поэтому все чаще рассматриваются как важнейшие показатели недизъюнктивности психического развития.